

Письмо в редакцию

© 2023 г.

Б.З. ДОКТОРОВ

НЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ, НО ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (bdoktorov@inbox.ru).

Аннотация. Перестройка дала отечественным социологам возможность обратиться к истории послевоенной социологии. В частности, требовал ответа вопрос: «Российская социология – это продолжение социологии, начавшей развиваться в России во второй половине XIX в., или это социология, имеющая свое особое начало?» Были предложены две концепции генезиса современного этапа отечественной социологии: преемственность и возрождение. Однако изучение материалов интервью с социологами-первопроходцами, уловившими дух политической «оттепели», показало, что их вхождение в социологию не отвечало обеим концепциям, так возникло утверждение о «втором рождении» отечественной социологии. Сформулированные мною тезисы были представлены в октябре 2007 г. на конференции, проходившей в Тюмени. Прошло 15 лет, но тема по-прежнему обсуждается. По предложению редакции журнала «Социологические исследования», предлагаю основную суть положения о «втором рождении» в представленных тезисах.

Ключевые слова: советская/российская социология • генезис • перестройка • две концепции • социологи-первопроходцы • российская социология • второе рождение

DOI: 10.31857/S013216250028544-1

Расположенный ниже текст «Российские реформы и история российской социологии» занимает важнейшее место в картине моего понимания современной истории отечественной социологии и сыграл ключевую роль в обосновании организации процесса интервьюирования советских/российских социологов. По своему назначению это тезисы к Международной научно-практической конференции «Гуманитарные стратегии российских трансформаций», состоявшейся в Тюмени 26–27 октября 2007 г. Я не участвовал в конференции, но по моей просьбе тезисы были оглашены профессором В.В. Гаврилюк.

Согласно моему электронному дневнику, подготовка тезисов была начата и закончена 7 октября 2007 г. Не помню, почему я спешил, скорее всего, информационное письмо о программе конференции было получено поздно. Вместе с тем понятно, что на тот момент концепция понимания генезиса послевоенной советской социологии в целом была разработана.

На следующий день текст был отредактирован и размещен профессором Дмитрием Шалиным на сайте американо-российского проекта «Международная биографическая инициатива», руководителями которого мы с ним были¹. Я понимал новизну и даже значительную провокативность утверждения о «втором рождении советской социологии». И потому уже в тексте, чтобы показать, что я не одинок, привел мнения ряда моих коллег

¹ Международная биографическая инициатива. URL: <https://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>

о концепции «второго рождения». Одновременно текст тезисов был отправлен в Москву профессору В.А. Ядову, позиция которого представлялась мне бесспорной.

Прошло два дня, 11 октября пришел *email* от Ядова со словами: «Боря, отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново». Кроме того, Ядов просил меня показать текст профессору А.Г. Здравомыслову, который в то время связывал становление социологии в России с работами А.И. Герцена.

Из регулярной переписки со Здравомысловым я знал об этом направлении его исследований, а сейчас к удивлению и радости обнаружил, что в моей статье о научном наследии Здравомыслова, написанной после его смерти, приведено мое письмо ему, написанное 9 октября 2007 г., т.е. до того, как я получил совет от Ядова: «Андрей, отталкиваясь от моего к тебе письма с моим пониманием начала нашей современной истории, я написал небольшой материал для конференции в Тюмени. Туда я не еду, да и тема конференции – слишком широкая для меня, но тезисы я соорудил. Будет время, пожалуйста, посмотри... что сошлется?» В указанной статье об исследованиях Здравомыслова по истории русской социологии приведен ряд выдержек из нашей переписки. К сожалению, мы многого не обсудили, мое последнее письмо ему датировано 29 октября 2007 г. И завершается эта статья словами: «Дальнейшего развития эта тема не получила; состояние здоровья Здравомыслова начало заметно ухудшаться»². Летом 2009 г. его не стало.

Моя неуверенность в том, как социологическим сообществом будет воспринято положение о втором рождении советской социологии, продолжалась довольно долго. Подробно она была изложена лишь в 2013 г. в книге «Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории»³.

Российские реформы и история российской социологии⁴

Российские реформы, начавшиеся на рубеже 1980–1990-х гг., – процесс молодой, активно развивающийся и потому трудно изучаемый. Историческая наука – дальнзорка, нетороплива, не стремится к быстрым реакциям на происходящее. Ее опыт показывает: все новое – есть вариация давно существующего, и не все новое – достойно исторического изучения, ибо может быть недолговечным. Вместе с тем российские реформы, являющиеся следствием глубочайших, катастрофических изменений в обществе, сложившемся в тоталитарной среде с крайне жесткими идеологическими императивами, позволяют по-новому прочитать и оценить события, развивавшиеся в течение последних десятилетий, и сказать то, о чем ранее можно было лишь намекнуть или чего ранее вообще не было видно. Одним из таких процессов является становление в постхрущевский период советской социологии, продолжением которой является современная российская социология. Другими словами, российские реформы не только по-своему формируют проблемный и организационный аспекты современной отечественной социологии, но порождают и разные взгляды на ее историю.

Российская социология развивается в течение полутора веков, но именно реформирование общества предоставило российским социологам возможность изучения своего прошлого, по сути – дало им их историю.

1. Зарождение российской социологии совпадает по времени с периодом деятельности О. Конта, Г. Спенсера и К. Маркса в западноевропейской социологии. И.А. Голосенко, крупнейший специалист по истории русской социологии, в качестве пионеров этой науки называл В.Н. Майкова, Э.К. Ватсона и П.Л. Лаврова. А.Г. Здравомыслов считает

² Докторов Б.З. А.Г. Здравомыслов: его деятельность и наследие еще предстоит изучить. К 85-летию со дня рождения // Телескоп. 2013. № 2. URL: http://www.old.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_2/article_content1404379381266300file.pdf

³ Докторов Б.З. Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории. СПб: ЕУ в СПб, 2013.

⁴ Докторов Б. Российские реформы и история российской социологии. URL: https://cdclv.unlv.edu/archives/articles/doktorov_reform.html

первым российским социологом А.И. Герцена. В хронологическом отношении речь идет о начале второй половины XIX в. После Герцена были народники, затем появились сторонники марксизма, а становление в начале XX в. в России профессиональной социологии связывается с деятельностью М.М. Ковалевского.

Короткий период постреволюционной социологии, завершившийся в конце 1920-х гг., был характерен, по мнению Л.А. Козловой, мощным выплеском разных направлений: марксистских, естественных и идеалистических. Затем начался четвертьвековой период развития социологии в СССР, когда доминирующей теоретической концепцией анализа общества был догматический марксизм-ленинизм, а эмпирические исследования были полностью свернуты. В эти годы социология не преподавалась, и нормальное развитие науки, включающее передачу опыта от одних поколений ученых к другим, было разрушено. Одновременно в силу множества причин (идеологические ограничения, террор против личности, война и прочее) достижения до- и послереволюционных социологов были утеряны, их книги уничтожены или заключены в спецхраны, а имена забыты.

2. Сказанное позволяет задаться вопросом о том, что же произошло в начале 1960-х гг., когда на волне политической «оттепели» в разных городах СССР начали проводиться прикладные социологические исследования и обсуждаться общетеоретические и инструментальные проблемы социологического познания. В настоящее время большинство специалистов вписывает эту социально-научную инновацию в общий, многодесятилетний процесс развития социологии в России и СССР и характеризует его как этап возрождения советской/российской социологии.

Вспомним, что термин «Возрождение» закреплен за всеобъемлющей культурной, научной и социальной программой создания философии, науки и искусства, базировавшейся на идеалах антики и отторгавшей дух средневековья. Одной из важнейших характеристик этого проекта было стремление к переосмыслению наследия древних философов, ученых и мастеров искусства и использованию их достижений для построения новой картины мира. Рационально оформленное обращение к прошлому становилось импульсом для создания художественных произведений, науки и просвещения Нового времени.

Обращение к событиям конца 1950-х – начала 1960-х гг. показывает, что в то время никакой осмысленной, обоснованной концепции построения социологии на опыте дореволюционной и ранней советской социологической науки у поколения социологов-шестидесятников не было. Да ее и не могло быть. И дело даже не в том, что они плохо представляли сделанное их предшественниками, но в том, что подобного «архитектурного» замысла в принципе не могло быть по политико-идеологическим обстоятельствам той эпохи. Прошлое российской социологии было закрыто от них, в частности, в силу особенностей жизненных путей тех, к чьему наследию следовало бы обратиться. Многие из них либо были уничтожены в конце 1930-х гг. как «враги народа» (Н.И. Бухарин, В.К. Гастев, Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов и др.), либо эмигрировали; одни еще были живы, например П.А. Сорокин, другие умерли. Первая статья о Сорокине в советской литературе, написанная Голосенко, была опубликована в 1968 г. Имена покинувших Россию на «философском пароходе» теми или иными путями вернулись в российскую социологию после перестройки. Тогда же стали известны и работы Бухарина. Это – одно из следствий российских реформ.

3. Представляется, что термин «возрождение» применительно к рассматриваемому процессу имеет слишком неопределенное, неконкретизированное значение и его закрепление в историко-научоведческих исследованиях может стать основой мифа, или ложной интерпретации генезиса, а значит всего последующего развития современной отечественной социологии. Одну из подобных тенденций в освещении недавнего прошлого обозначил В.Э. Шляпентох, назвавший ее «умолчанием имен». Он отметил, что в докладе В.И. Жукова на Учредительном съезде Союза социологов России из истории современной советской социологии был вычеркнут ряд имен ее основоположников. Д.Н. Шалин увидел в материалах съезда стремление восстановить государственный контроль над социологией и установку на привнесение в науку клерикальных идей.

Напротив, детальное рассмотрение явлений, составлявших суть процесса становления советской социологии в постхрущевские годы, и поиск соответствующей терминологии позволят принципиально обогатить спектр и содержание исторических изысканий.

4. Изучение литературы и анализ результатов интервьюирования большой группы российских социологов, начатого в конце 2004 г., позволяет предложить иную версию, модель возникновения социологии в годы «оттепели». Речь должна идти не о возрождении, но о втором рождении. Второе рождение лишь формально можно трактовать как возрождение: по своей внутренней логике, механизму зарождения, мотивации деятельности первопроходцев социологии это совсем иной феномен, процесс иного строения.

Молодые философы, историки, экономисты, на рубеже 1950–1960-х гг. называвшие себя социологами, следовали в своей инновационной деятельности тем же социально-нравственным ориентирам, что и поэты-шестидесятники. М.К. Мамардашвили так сказал о своих студенческих друзьях: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли, вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...» На вопрос о том, из чего произросла идея книги «Человек и его работа», признанной классикой советской социологии, Здравомыслов ответил: «Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х гг. лишь по трем упоминаниям В. Ленина. Профессиональной преемственности с нашими предшественниками 1920-х гг. не было: сталинские репрессии прервали эту связь...» Итак, обстоятельства, породившие атмосферу «оттепели», стали предпосылкой вторичного рождения советской социологии.

Оставим в стороне тему социальных мотивов, движителей деятельности первых социологов, и посмотрим, были ли они в принципе готовы к возведению своей социологии на фундаменте (руинах фундамента) дореволюционной и ранней советской социологии. Знали ли они работы своих предшественников? В.А. Ядов, вспоминая время изучения установок к труду рабочих, сказал: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане – отношение к труду... Вообще, эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 гг. и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относящихся к нашему исследованию, не представлялась высокой».

Обсуждая тему знания прошлого с В.Э. Шляпентохом, имеющим историческое и статистическое образование, я спросил его, оказали ли на него влияние работы русских земских статистиков и книга Ленина о развитии капитализма в России. Вот его ответы на эти вопросы: «Буквально никакого, хотя я кое-что знал о них» и «Я хорошо знал работы Ленина и относился к его анализу статистических данных вполне уважительно... Однако влияние Ленина на нашу социологию в 1960-е годы было равно, по моему мнению, нулю».

Нет необходимости в увеличении количества подобных примеров, и без них можно утверждать, что социологи 1960-х в своей работе фактически не опирались на опыт своих предшественников. Трудно не согласиться с В.А. Ядовым, более десяти лет назад сказавшим: «Преподносить историю нашей социологии как продолжение русской традиции не совсем правомерно. Надо внимательнее посмотреть, какие на самом деле были традиции, где они работали и где нет, что просто приписывалось». И это не «реанимация большевистской традиции» отказываться от наследия прошлого, как характеризует сказанное Ядовым В.И. Жуков, но констатация одного из аспектов становления современной российской социологии.

5. Методическая, инструментальная линия ленинградской социологии, одной из наиболее заметных в советской социологической науке, во многом формировалась в процессе перевода и изучения книги американских авторов Гуда и Хатта о методах социологического исследования.

По мнению Шляпентоха, «советская социология был обязана на первых этапах своего существования только западной и польской социологии». Того же мнения придерживался Ю.А. Левада: «Историю социологии, кроме польских источников, брать было

больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу». Для Ф.Э. Шереги, выросшего в венгерском районе Закарпатья, вход в социологию был иным: «Естественно, я знал многие работы западных социологов, изданных в Венгрии без всякой цензуры».

6. Есть еще один важный момент, указывающий на то, что ни в 1960-е гг., ни позже концепция «возрождения» как творческого обращения действующего социологического сообщества к наследию прошлого фактически не имела заметного организующего или хотя бы сигнального значения. Все поколения, вошедшие в социологическую науку после первой волны шестидесятников, однозначно признают своими учителями именно их. Никто не говорит об определяющем влиянии на их творчество Герцена или Михайловского, Сорокина или Бухарина. Более того, можно допустить, для большой группы советских социологов, работавших в 1970–1980-х годах, ни дореволюционной, ни довоенной советской социологии как бы не существовало. В те годы основная масса социологов не имела специальной профессиональной подготовки, да и получавшие философское образование далеко не всегда изучали историю российской социологии.

7. Русскую дореволюционную и раннюю советскую социологию стали исследовать аспиранты, ученики тех, кто понимал научную значимость подобной тематики, но эти поиски не трактовались как элемент программы возрождения социологии. В первой половине 1960-х гг. Голосенко по совету И.С. Кона начал изучать творчество Сорокина. В середине 1970-х гг., будучи аспирантом Шляпентоха, Шереги прорабатывал проблематику выборочного анализа и всесторонне проанализировал методический опыт советских социологов 1920-х гг. В конце 1980-х гг. Л.А. Козловой под руководством Л.Г. Ионина исследовался этап 1920–1940-х гг.

Таким образом, познание прошлого постепенно становилось одной из задач советской/российской социологии, но, мне представляется, эти исследования, при всей их важности и необходимости их углубления, имеют преимущественно историко-наукоедческое и профессионально-этическое назначение. Их выводы не могут серьезно повлиять на методологию современных российских социологических исследований.

Принципиальное снижение эвристичности теоретических построений и значимости фактологии прошлого не есть лишь следствие продолжительности периода, отделяющего аналитиков современной России от тех, кто анализировал российский социум до первой трети XX в. У этой проблемы есть и качественный аспект. В течение почти сотни лет страна многократно подвергалась мощнейшим «социотрясениям» (термин Б.А. Грушина), и потому развитие российской социологии не было непрерывным. Это – неустрашимая разрывность.

8. Вывод о «вторичном рождении» российской социологии требует уточнения, конкретизации и поиска новых аргументов в его защиту. Поэтому в последнее время я начал обсуждать его с коллегами. Приведу суждения представителей трех поколений российской социологии.

Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас».

Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер и обращала большее внимание на аналогичные исследования коллег за рубежом в этот период».

Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х гг. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты

значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения. Поэтому приобщение советских социологов к опыту Запада в решающей степени способствовало успехам советской прикладной социологии. Это не умаляет научности и большой исторической значимости опыта советской прикладной социологии 1920-х годов».

Перестройка и постперестроечные реформы в России дали возможность отечественным социологам обратиться к прошлому своей науки. Пока трудно сказать, каким образом будет использовано это право на историю, к тому же ясно, что сама история будет зависеть не только от того, как пристально она станет изучаться социологическим сообществом, но и от того пути, который будет избран страной для продолжения реформ. История российской социологии – функция российских реформ.

NOT A RENEWAL, BUT A SECOND BIRTH

DOKTOROV B.Z.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Associate Fellow of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (bdoktorov@inbox.ru).

Abstract. For the first time, theses on the concept of a “Second Birth” of Soviet/Russian sociology are being published. The Perestroika gave the sociologists of Russia the opportunity to refer to history post-war sociology. In particular, it demanded an answer to the question: “Is the current Russian sociology a continuation of the sociology that began to develop in the second half of the 19th century, or a sociology with its own special beginning?” Two concepts were suggested for the genesis of the current stage of Russian sociology: continuity and renewal. However, studying the interviews with pioneering sociologists who caught the soul of the political thawing showed that their entrance into sociology did not answer either concepts, giving rise to the idea of a second birth of Russian sociology.

Per my request, the concept of a second birth was voiced by Professor Vera V. Gavriluk in October 2007 at a conference occurring in the city of Tyumen. Later, she told me that the participants of the conference had positive attitudes to this information. Fifteen years have passed, and the above-mentioned theses are being published.

Keywords: Soviet/Russian sociology, genesis, Perestroika, two concepts, pioneering sociologists, Russian sociology, second birth.